

О. Е. Рубинчик

Санкт-Петербург, Россия

**К ИСТОРИИ ВЫХОДА «СТИХОТВОРЕНИЙ»
О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА В «БИБЛИОТЕКЕ ПОЭТА»
(ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ С Л. Я. ГИНЗБУРГ)**

В центре внимания в этой статье – переписка Надежды Яковлевны Мандельштам с Лидией Яковлевной Гинзбург, относящаяся к 1959–1968 гг. Письма Л. Я. Гинзбург вводятся в научный оборот впервые. В диалоге двух великих женщин, известных мужской мощью ума, обладавших литературным даром и незаурядным опытом, можно вычленить несколько смысловых пластов. В данной публикации рассматривается один, мучительно важный для Надежды Яковлевны: подготовка и колеблющиеся перспективы выхода в серии «Библиотека поэта» сборника стихов О. Э. Мандельштама – первого после 1928 г. Между идеей выпустить книгу, возникшей в 1956 г., и ее выпуском в 1973 г. прошло почти 20 лет.

Ключевые слова: русская литература, Осип Мандельштам, Надежда Мандельштам, Лидия Гинзбург, Николай Харджиев, серия «Библиотека поэта», переписка.

В центре внимания в этой статье – переписка Надежды Яковлевны Мандельштам (1899–1980) с Лидией Яковлевной Гинзбург (1902–1990), которую я в полном объеме готовлю к публикации¹ в петербургско-московском сборнике². Переписка относится к 1959–1968 гг. Писем и телеграмм Л. Я. Гинзбург сохранилось гораздо меньше, чем писем и телеграмм Н. Я. Мандельштам, что, по-видимому, связано с «кочевым» образом жизни, который долгие годы вынуждена была вести Мандельштам (в крупных городах ее не прописывали), а также с обширностью ее переписки и большим количеством заочных собеседников.

¹ Благодарю Александра Семеновича Кушнера, литературного наследника Л. Я. Гинзбург, за разрешение на публикацию переписки.

² Сборник «Голоса старых друзей. Анна Ахматова и Надежда Мандельштам. Воспоминания. Переписка. Материалы к биографии» готовит Мандельштамовское общество совместно с Фонтанным Домом. Сборник предполагается к выпуску в издательстве «Алетейя». Моя искренняя благодарность – Павлу Марковичу Нерлеру, оказавшему мне разнообразную помощь в ходе работы над материалом.

Рубинчик Ольга Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент Северо-Западного института печати (пер. Джамбула, 13, Санкт-Петербург, 191180, Россия, rubinchik_olga@mail.ru)

Письма Мандельштам к Гинзбург обнаружены не впервые (исключение составляет одна телеграмма). Первая публикация состоялась в 1998 г. в журнале «Звезда» [1], а подготовлены к печати они были еще ранее самой Л. Я. Для предстоящих публикаций их тексты заново выверены по оригиналам, хранящимся в фонде Гинзбург в РНБ³, многие датировки уточнены, а комментарии значительно расширены.

Письма Гинзбург вводятся в научный оборот впервые. Семь наименований хранятся в РГАЛИ в фонде О. Э. Мандельштама⁴. В архиве самой Л. Я. в РНБ есть черновики шести других ее писем, в основном во фрагментах⁵. Л. Я. сохраняла их, возможно, потому, что считала наиболее существенными. Возможно, со временем исследователями будут обнаружены и некоторые другие письма Л. Я. к Н. Я.

В диалоге двух великих женщин, известных мужской мощью ума, обладавших литературным даром и незаурядным опытом, можно вычленить несколько смысловых пластов. В данной статье рассматривается один, мучительно важный для Н. Я.: подготовка и колеблющиеся перспективы выхода в «Библиотеке поэта» тома стихов О. Э. Мандельштама – первого после 1928 г. На эту тему уже довольно много написано [2], но сквозь призму переписки Н. Я. Мандельштам с Л. Я. Гинзбург она не рассматривалась.

Идея выпустить том «Стихотворений», по свидетельству Б. Ф. Егорова⁶, принадлежала В. Н. Орлову – главному редактору серии «Библиотека поэта» с 1956 по 1970 г.⁷ 1956 г. был подходящим для подобных идей: в феврале состоялся XX съезд КПСС, на котором был осужден культ личности Сталина; 28 февраля была создана Комиссия по литературному наследию О. Э. Мандельштама; в том же году Н. Я. добилась реабилитации Мандельштама, правда, частичной – только по последнему делу [3, с. 530]. По предложению Н. Я., составителем и комментатором тома стал Николай Иванович Харджиев (1903–1996) – авторитетный литературовед и искусствовед, давний, испытанный друг семьи Мандельштамов, а также Гинзбург и Ахматовой. Н. Я. позднее вспоминала: «О. М. говорил, что у Николая Ивановича абсолютный слух на стихи, и поэтому я настояла, чтобы его назначили редактором книги» [4, с. 444]. Переписка с ним Н. Я. с апреля 1957 г. показывает активную включенность обоих в работу [5, с. 299–333]. Н. Я. на время подготовки издания передает Харджиеву в личное пользование архив Мандельштама, помогает ему, отвечая на вопросы, касающиеся истории создания и публикации тех или иных текстов. И по 1962 г. более-менее терпеливо ждет, когда Н. И. закончит текстологическую и комментаторскую работу и книга – первый посмертный сборник стихов Мандельштама на родине – сможет выйти, что, естественно, зависит не только от Харджиева, но и от редакции, и от политического

³ РО РНБ, ф. 1377, оп. 3, ед. хр. 378; подготовленные к печати письма Н. Я. Мандельштам – оп. 3, ед. хр. 379, 380; неопубликованная телеграмма – оп. 2, ед. хр. 104. За возможность знакомства с материалами фонда Л. Я. Гинзбург (еще не до конца описанными) благодарю Марину Юрьевну Любимову.

⁴ РГАЛИ, ф. 1893, оп. 3, ед. хр. 184.

⁵ РО РНБ, ф. 1377, оп. 1, без ед. хр.; оп. 2, ед. хр. 76; оп. 3, ед. хр. 145.

⁶ Егоров Борис Федорович (р. 1926) – литературовед. В 1962–1971 гг. был заместителем главного редактора и исполняющим обязанности главного редактора «Библиотеки поэта». Здесь и далее ссылки на мемуарный комментарий к подготовленной к публикации в сб. «Голоса старых друзей» переписке Б. Ф. Егорова с Н. Я. Мандельштам – «Об издании: О. Мандельштам. Стихотворения. 1973 (Большая серия “Библиотеки поэта”)». Благодарю Бориса Федоровича Егорова за разрешение использовать этот материал.

⁷ Орлов (Шапиро) Владимир Николаевич (1908–1985) – литературовед, лауреат Сталинской премии (1951).

момента. Иногда им обоим кажется, что книга уже на подходе. Так, в ноябре 1958 г. Харджиев пишет Гинзбург: «Недавно был здесь⁸ – мимоездом – Ямпольский⁹: как будто они намерены сдать Манд<ельштама> в производство – в конце с<его> г<ода>. О лучшем нельзя и мечтать»¹⁰.

В письмах Мандельштам, адресованных Гинзбург, тема «Библиотеки поэта» впервые возникает лишь осенью 1962 г., но с тех пор звучит все настойчивей. Н. Я. советуется с Л. Я., просит то об одном, то о другом, возмущается теми, кто чинит препятствия книге. Для такого активного обращения именно к Гинзбург есть свои причины. Л. Я. давно сотрудничает с «Библиотекой поэта», подготовила для нее ряд изданий. Кроме того, Л. Я. может, по мнению Н. Я., повлиять на Харджиева, с которым дружна даже с более раннего времени, чем Мандельштамы: они познакомились с Н. И. в 1928 г., а Л. Я. – не позднее 1926 г.¹¹ Харджиев понимает масштаб Гинзбург: «У ваших мыслей архитектура иная, это – стройные римские пропорции, воздух Марка Аврелия», – пишет он ей в письме¹². И, наконец, третья причина обращения Н. Я. к Л. Я. – любовь и пристальное исследование внимания Гинзбург к поэзии Мандельштама, да и личное знакомство с поэтом, состоявшееся не позднее 1925–1926 гг., когда, по-видимому, впервые в записных книжках она описала свои впечатления от встречи: «...Главное же – ощущение большого поэта» [6, с. 15]. С тех пор размышления о Мандельштаме – о его творчестве, о его личности – встречаются в ее записных книжках многократно.

С Надеждой Мандельштам Лидия Гинзбург познакомилась позднее. Вот ее собственное свидетельство из заметки, предвещающей их переписку: «При жизни Мандельштама я почти не встречалась с Надеждой Яковлевной. В моих “Записях” описана встреча с Мандельштамами у Ахматовой в 1933 году, когда он читал нам “Разговор о Данте”. Н. Я. тоже присутствовала. Вот, кажется, и все.

После гибели мужа Н. Я. Мандельштам уехала из центра и преподавала в периферийных вузах (по специальности она была англисткой). Изредка она приезжала в Ленинград, и я несколько раз видела ее у Ахматовой.

В самом конце 50-х годов Н. Я. намеревалась включить меня в число тех, кому она предполагала (это не осуществилось) завещать архив Мандельштама. В 1962 году она предложила мне провести с ней лето в Тарусе¹³. Я столовалась у той же

⁸ В Москве.

⁹ Ямпольский Исаак Григорьевич (1903–1991) – литературовед. В 1956–1968 гг. – член редколлегии, в 1956–1962 и 1968–1969 гг. – заместитель главного редактора «Библиотеки поэта».

¹⁰ РО РНБ, ф. 1377, оп. 1, без ед. хр. Письмо датируется по штемпелю на конверте, где проставлено: 115818.

¹¹ В поздние годы Н. И. писал Л. Я.: «Дорогая Лидия Яковлевна <...> радуюсь, что дождал до напечатания Вашей фрагментарной прозы, которую оценил еще в 1926 г. (!!!)» (недатированная открытка. РО РНБ, ф. 1377, оп. 1, без ед. хр.). Ср. также свидетельство о встречах в Одессе в воспоминаниях Гинзбург «Встречи с Багрицким»: «Летом 1926 года наш общий приятель Николай Иванович Харджиев привел Багрицкого в “Аркадию”, ко мне на дачу» [6, с. 473].

¹² Из письма от 11 октября 1958 г. (датировано по штемпелю на конверте, где указано: 11105811). РО РНБ, ф. 1377, оп. 1, без ед. хр.

¹³ Таруса – городок в Калужской области, имеющий глубокие исторические корни и культурные традиции. Н. Я. Мандельштам снимала в Тарусе жилье летом и несколько раз провела зиму в период, когда была «стопятницей». «Между 1958 и 1965 гг. именно Таруса заменила Надежде Мандельштам, истинной кочевнице, все остальные ее “малые родины” – и Саратов, где она родилась, и Киев, где был ее родительский кров, и Питер с Москвой, где протекала ее собственная семейная жизнь с Осипом Мандельштамом» (Нерлер П. Надежда

хозяйки, что и Надежда Яковлевна. В 1963 году я у этой же хозяйки снимала и комнату.

В эти годы мы с Н. Я. Мандельштам переписывались систематически» [1, с. 125].

Н. Я. несколько раз появляется в записных книжках Л. Я., начиная с 1950–1960-х гг. В частности, Л. Я. фиксирует ее высказывания о Мандельштаме и других поэтах. Наиболее полное представление о характере их общения дают письма, в том числе те, в которых обсуждается вопрос мандельштамовского издания в «Библиотеке поэта».

27 сентября 1962 г. Надежда Мандельштам пишет живущей в Ленинграде Лидии Гинзбург из Пскова, куда переехала, так как там для нее нашлась работа: в Псковском педагогическом институте она была принята старшим преподавателем кафедры иностранных языков.

Милая Лидия Яковлевна!

<...> Нет ли чего-нибудь нового для меня? Кого предупредить, чтобы мне оставили 100 экземпляров? Умоляю, помогите. Вдруг книга все же выйдет, а я останусь на бобах.

Сильно ли сокращается состав? Думают ли мне что-нибудь сообщить? Не пора ли заключать договор? <...>

Умоляю, пишите. Мне здесь очень трудно будет, если мне не будут писать.

Надежда Мандельштам

<...>

Около 14 октября того же года Н. Я. отвечает на не дошедшие до нас письма Л. Я.:

<...> Сейчас я получила оба ваши письма – сначала из Ленинграда, потом перешедшее из Тарусы. Спасибо. Я тоже думаю, что с договором форсировать не надо; я этого не делала и не собираюсь делать, хотя в принципе (мое правовое сознание закипело) меня это бесит. <...>

Н. И., вероятно, ничего не задержит, потому что в Москве была Исакович¹⁴ и должна была с ним работать. Хорошо было бы при случае узнать у нее, как это кончилось. У меня с ним произошла небольшая драма – сейчас пишу ему, чтоб его успокоить, – из-за чепухи¹⁵. Т. е. это не чепуха, но ко мне и к нему не имеет ни малейшего отношения. <...>

О характере разногласия с Харджиевым Н. Я. рассказала в письме от 27 октября 1962 г., которое обращено сразу к двум адресатам: Гинзбург и Семенко¹⁶. В примечании к письму Л. Я. пояснила: «Н. Я. Мандельштам адресует письмо в Ленинград, где И. М. Семенко гостила в это время у меня» [1, с. 131].

Яковлевна и «Н. Яковлева» в Тарусе // Информпространство: альманах-газета. URL: http://www.informprostranstvo.ru/N186_2014/pavelnerler.html

¹⁴ Исакович Ирина Владимировна (1917–1999) – издательский редактор книги Мандельштама, в 1962–1971 гг. зав. редакцией «Библиотеки поэта».

¹⁵ Пояснения – в следующем письме Н. Я. Ср. также переписку Мандельштам с Харджиевым с 27 сентября по 14 октября 1962 г. [5, с. 313–315].

¹⁶ Семенко Ирина Михайловна (1921–1987) – литературовед, друг Н. Я. После того, как архив Мандельштама вернулся к его вдове, работу над ним продолжила Семенко, результатом чего стала ее книга «Поэтика позднего Мандельштама», вышедшая в 1986 г. в Италии, а в 1997 г. – в Москве.

Милые Лидия Яковлевна и Ирина Михайловна! Очень рада, что могу вам написать обеим сразу. <...> Очень боюсь, что Ник. Ив. задержит рукопись. Это было бы ужасно. Но что делать? Сейчас я уж никак не могу на него воздействовать (дуэльное письмо). Надо просить редакторшу Исакович, чтобы писала и напоминала она. Это единственный человек, который сейчас может это сделать, да еще Лидия Яковлевна и вы... Надо что-то делать.

Дуэльное письмо пришло по поводу потерянного письма Б. Л. ... Я не придавала всей этой истории никакого значения и написала из Пскова Николаше, чтобы он не огорчался и что в общем плевать. В конце концов, хранить письма Б. Л. не моя функция. Он ответил, что у него ничего и никогда не могло пропасть и что если я этого не понимаю, то... Я опять ответила нежнейшим письмом – что мы слишком хорошо относимся друг к другу и все прочее... Но чтобы успокоить его, надо найти это письмо. Может, оно в самом деле где-нибудь у меня. Но можно ли поручиться, что ничего никогда не может пропасть в нашей не слишком устроенной жизни? Думаю, что нет. Во всяком случае, сейчас мне торопить его нельзя: я его раздражаю. Очевидно, с этой историей с письмом я попала на больное место. Но попал и он: эта вечная тревога за бумаги доведет меня до сумасшедшего дома. Хорошо, что пропало письмо Б. Л. Ну его. Но есть вещи, которые не «ну его» для меня. Это письмо, кстати, я хранила из зловередства: там Б. Л. разболтался и наговорил кучу глупостей (это письмо ко мне). Хорошо, что пропало. Действительно, «ну его». А может, в конце концов, и найдется. <...>

Известно три письма Бориса Пастернака Надежде Мандельштам, они относятся к 1943, 1945 и 1946 гг. [7, с. 345–346, 421–422, 441–442]. Едва ли какое-то из них можно характеризовать словами Н. Я. Нашлось ли и сохранилось ли то письмо, о котором она упоминает, неясно.

Формально отношения Мандельштам с Харджиевым склеились, однако уже не были доверительными, как прежде. И тревога Н. Я. по поводу затягивания выхода книги продолжала усиливаться. Все болезненнее ощущалась ею оторванность от жизни столиц, не дававшая быть в курсе того, что происходило в «Библиотеке поэта», влиять на процесс подготовки и выпуска издания.

14 ноября 1962 г. Н. Я. пишет:

Милая Лидия Яковлевна! Я получила ваше письмо перед самым отъездом – пять дней провела в Москве. <...>

Николая Ивановича не видела. Он привел меня в ярость. Я хотела к нему пойти и уже договорились, но трубку взяла Лидия Васильевна¹⁷ и сообщила мне следующее: Н. И. болен и не лег в больницу, чтобы доработать тексты. Ему уже массу испортили. Мне запрещается его торопить: «Это было бы бесчеловечно. Ведь он полгода работал над рукописью, а теперь ему испортят его работу!» Она не понимает, что речь идет о работе не полугодовой, и не о комментарии, а о чем-то более серьезном. Сейчас благоприятный момент, но совершенно неизвестно, что будет через два-три месяца. Он несомненно знал о ее разговоре: квартирка маленькая, и она говорила со мной сразу после него. Что теперь делать? Это затянется на бесконечность. Надо, чтобы его торопила редакторша, иначе он никогда не сдаст. Я в ужасе от всей этой дури. Ведь мы договаривались с ним, что надо, чтобы книга вышла в любом виде, лишь бы вышла.

От всего вместе я смертно устала. <...>

Главное, поговорите с редакторшей. <...>

О своей тревоге по поводу задержки рукописи Харджиевым Н. Я. пишет и в письмах от 27 ноября и 9 декабря того же года, а затем посвящает этой теме почти целиком большое письмо от 16 декабря:

¹⁷ Чага Лидия Васильевна (1912–1995) – художница, скульптор, жена Н. И. Харджиева.

Милая Лидия Яковлевна!

На этот раз я просто прошу у вас совета. Это все о том же нашем общем друге Николае Ивановиче. Что с ним делать? Думаю, что рукописи он не прислал. Очень возможно, что благоприятный момент для издания уже упущен. Тогда это случилось по его вине – он держит рукопись с сентября. Если б она начала двигаться, ее было бы гораздо труднее остановить и «отложить». А осторожный Орлов, может, и захочет отложить. <...>

О болезни Н. И. – я вам сразу сказала, что он заболел. Это не инфаркты – по два в году – а, к несчастью, шизофрения, очень сильно развившаяся за эти годы. Может, у него и было когда-нибудь что-нибудь с сердцем, но в своей массе это другое. У него безумная мысль, выданная мне Лидией Васильевной: ему испортили комментарий, над которым он работал полгода. <...>

Работы там максимум на две недели. Сколько это будет продолжаться, неизвестно. У меня связаны руки: все рукописи О. М. у него. Это налог на мое изгнничество. <...>

Вот в этом раю я живу. Прибавлю еще Лидию Васильевну. Это тяжелая психопатка, которая в минуту аффекта может все бросить в печку или в мусорный ящик. Такие вещи она делала.

Я не могу себе простить, что доверила редактуру Николаю Ивановичу (это Орлов сделал по моей просьбе). С ним ведь всегда трудно было иметь дело. Но поймите, как я могла этого не сделать: ведь он прекрасный текстолог и отличный комментатор. Мне казалось, что дорогая для него работа воскресит его, а на деле оказалось, что ему становится все хуже и совладать с ним нельзя. Чуть что он объявляет, что у него инфаркт, и никого к себе не пускает. При такой ситуации мне бы следовало обратиться в редакцию с просьбой, чтобы редакция сделала нужные изменения, а если Николай Иванович от них откажется, можно снять его имя. Но у меня есть много доводов против:

1. Боюсь за рукописи.
2. Не хочу выдавать его состояние Орлову и всем, кто предостерегал меня против него.
3. Мне просто его жаль.

Что мне делать? Писать ему бесполезно. К себе он меня не пускает. Лидия Васильевна просто опасна. Если с ним что случится, рукописи попадают к ней.

Единственное спасение – редакторша. Несомненно, что лучше всего, чтобы она крепче нажала на него. Есть ли у них экземпляр? Надо его подготовить к печати, предупредив его об этом. Тогда он очнется и вышлет.

Обращаться ли мне к ней с письмом? Мне бы этого очень не хотелось: ведь у него может наступить просветление, ему надо будет работать, а эта история прогредит. И так все знают, что задерживает издание сейчас он, но еще верят в инфаркты.

Вот вам дополнительный бред ко всей моей проклятой судьбе. Допускаю, что книга все равно не выйдет. Но пытаться выпустить ее надо... Без нажима все так и застынет. Для издательства это только удобно: отложить книгу из-за сумасшедшего редактора, рекомендованного сумасшедшей вдовой...

Что делать? Рискнуть рукописями и пойти с ним на конфликт? Все же лучше всего довериться Исакович, чуть-чуть объяснив ей, в чем дело, но уговорив ее слегка ему пригрозить.

Напишите мне, что вы думаете об этом. Я совершенно измучилась. Не сплю. А на меня давят, между прочим, со всех сторон. Все считают, что задерживает Орлов. Требуют, чтобы я писала Суркову¹⁸ (у него сейчас флирт со мной) с жалобой на... Орлова! Скоро будут это делать без меня. Надо на что-то решаться. И главное,

¹⁸ Сурков Алексей Александрович (1899–1983) – поэт, в 1953–1959 гг. первый секретарь Союза писателей СССР, в 1957–1968 гг. председатель Комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама.

я втравила редакцию в эту историю: ведь им не пришло бы в голову приглашать Н. И. ...

(Сурков в публичных выступлениях называл О. М. первым борцом с культом.)
<...>

Отзовитесь.

Н. М.

Ответное письмо Л. Я. от 23 декабря сохранилось в черновом автографе:

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я не ответила вам сразу, потому что хотела сначала кое в чем разобраться.

Ваш проект с Н. И. я считаю нереальным. Оставим в стороне все психологические и тому подобные соображения. Возьмем это дело в чисто практическом, деловом его аспекте. Н. И. – юридическое лицо, с которым существуют договорные отношения, дающие определенные права. Чтобы лишить его его прав¹⁹, изменять рукопись без его согласия, снять его имя и т. п., – нужны юридические акции. Скажем, расторжение договора. На каком основании? Его психического состояния? Какие основания? Где заключение врачей? Где доказательства, что у него не сердечная болезнь? Об инфаркте, кстати, нет речи; речь идет о сердечном спазме, обострении стенокардии. Исак<ович> была у него в Москве (тогда), никаких сомнений в его болезни не имеет. Конечно, издательство может расторгать договоры за непредставление рукописи в срок. Но у них запоздание – дело совершенно обычное. Берковский²⁰ на год или полтора задержал Тютчева по случаю болезни. Чтобы предпринять что-либо решительное, издательство должно быть кровно заинтересовано в скорейшем выходе книги; сверхзаинтересовано, т.к. подобных прецедентов не было. А сверхзаинтересованности, вы сами понимаете, сейчас нет.

Притом учтите: книги без имени редактора быть не может. Следовательно, редактуру нужно передать другому лицу. Это лицо (кто?) должно начинать работу сначала или поставить свое имя на чужой работе? Все это нереально практически; повторяю, оставляя в стороне все психологические соображения, о серьезности которых вы сами пишете.

Всякие демарши в таком роде будут в редакции встречены отрицательно. Я убеждена, что все это только осложнило бы и без того сложное дело. И даже больше чем осложнило бы.

Во всем этом вижу один только практически реальный момент: было бы превосходно, если бы Сурков в той или иной форме довел до сведения Орлова, что он и секретариат хотят выхода книги и не видят основания для проволочек. Это стимулировало бы редакцию и, м<ожет> б<ыть>, вызвало бы ее на более энергичные переговоры с Н. И.

Ямп<ольский> изнемог от «Библиотеки» и уходит совсем. Вместо него, вероятно, будет Борис Федорович Егоров, очень хороший человек. Это он заведовал кафедрой в Тарту, теперь перешел в ЛГУ. Как человек свежий, он, вероятно, сначала энергично возьмется за дела. Я сразу же выясню его точку зрения, его понимание всего этого дела. Он честен – и скажет прямо, что он думает предпринять, если Н. И. не сдаст рукопись (а ведь он может в любой день и сдать ее). К моему мнению он (Егоров) отнесется внимательно. Если Егорова утвердят, это произойдет, очевидно, в январе. Он в «Библиотеке» должен заниматься организационными вопросами, так что это его прямое дело.

Поймите, все это я говорю вам не со своей точки зрения, а с точки зрения изд<ательст>ва, для которого пока что эта книга не особое явление, а книга как всякая другая (в лучшем случае), подлежащая всем издательским нормам. Нормы же эти таковы, что всякий скандал может сейчас привести только к затяжкам и осложнениям. Вот пока и все мои соображения. Напишу, как только что-нибудь узнаю.

Ваша Л. Г.

¹⁹ Так!

²⁰ Берковский Наум Яковлевич (1901–1972) – литературовед, театровед.

Лидия Гинзбург пишет совсем в другом регистре, чем Надежда Мандельштам: эмоции скрыты, весь текст представляет собой четко сформулированные, твердо высказанные аргументы. Из аргументации очевидно, что с позицией Надежды Яковлевны Лидия Яковлевна не согласна, но никаких оценок она себе не позволяет. Ее задача – не допустить губительного скандала и способствовать выходу книги.

Неизвестно, что она думает о психическом состоянии Харджиева. Вообще вопрос о его психическом здоровье представляется неясным. Сохранились письма Чаги, адресованные Гинзбург в 1962–1986 гг. В них много говорится о болезни мужа, но болезнь эта не конкретизирована, Чага сетует на его мрачность, раздражительность, грубость, но не более того²¹. Сам Харджиев сообщает Гинзбург о больном сердце. И так характеризует себя на фотографиях работы Л. Я.: «Это больной распухший сверхраздражительный старик, которому надо непременно, не теряя драгоценного времени, писать завещание. Все портреты – рембрандтовской силы!»²². Надо заметить, правда, что на фотографиях, хранящихся в архиве Гинзбург, Харджиев выглядит очень достойно, так что в его письме отразилось, скорее, самоощущение с примесью кокетства.

Н. Я. отвечает 28 декабря:

Милая Лидия Яковлевна!

Вы все-таки считаете меня чересчур прямолинейной – вроде быка, осла или танка. Неужели вы думали, что я развернусь и напишу в издательство, что Н. И. – сумасшедший? Разумеется, нет. Я могла бы только написать Орлову, что ввиду болезни Харджиева он не может внести требуемых редакцией поправок – известно, что они незначительны и требуют всего нескольких дней работы, а рукопись находится у Харджиева уже четыре месяца. Поэтому я очень прошу, чтобы редакция сама довершила работу Харджиева, и, если понадобится оплатить издержки за дополнительный труд, я предлагаю их оплатить из моего гонорара.

Такое письмо было бы огромным ударом для Николая Ивановича. Я сделала ошибку летом: надо было написать Исакович, чтобы от Николая Ивановича потребовали, чтобы он все изменения внес тут же – при редакторе; чтобы рукописи ему не давали. Но это тоже было бы ударом для него. В результате я шажу его в ущерб Мандельштаму. <...>

В письмах 1963–1964 гг. «Библиотека поэта» также присутствует. С начала января 1963 г. рукопись уже в редакции, правда, над комментарием Харджиев еще продолжает работать. Внимание Н. Я. обращено теперь в основном на издательство. Так, 9 октября 1963 г. она пишет:

<...> Я очень хотела бы, чтобы вы поговорили с Егоровым. Я знаю, почему идет Б. Леон...²³ Писала вдова, и ее письмо передали. Кроме того, известно, что это за птица²⁴. Для этого понадобилась вся предыстория и весь шум²⁵. Иначе не дошло

²¹ РО РНБ, ф. 1377, оп. 1, без ед. хр.

²² РО РНБ, ф. 1377, оп. 3, ед. хр. 513. Упомянутые письма не датированы.

²³ «Стихотворения и поэмы» Б. Л. Пастернака были изданы в 1965 г. О трудной истории выхода книги см., например, в публикации [8].

²⁴ Из «Воспоминаний» З. Н. Пастернак: «К весне 1962 года моя касса растаяла, и оказалась я почти на мели. <...> Документы о пенсии пролежали два года в высшей инстанции, и дело не сдвинулось с мертвой точки. Положение было серьезное. Мне посоветовали написать Твардовскому. Одновременно деятели культуры – Чуковский, Эренбург, Иванов, Шостакович и некоторое другие обратились с письмом к Хрущеву, прося оказать помощь вдове Пастернака <...> это помогло. По указанию сверху Союз писателей выдал мне вре-

бы. Мое письмо не будет передано – я это знаю и даже раз писала...²⁶ Это первое... Второе: подача в суд. По-моему, это тоже безнадежно. «В свете» новых решений сборник пересматривается – вот вам, что скажет ответчик. И этого вполне достаточно. Даже в случае, если ответчик проиграет, сумма будет так мала, что издательство пойдет на такой убыток. Сейчас снято с производства немало книг, и никто не поморщился. Впрочем, если Егоров счел бы, что это следует сделать, я готова поручить дело адвокату. Но уверена, что из этого ничего не выйдет.

Помните ли вы, что в декабре (27) 25 лет со дня смерти?

У меня холодное бешенство. Есть такая болезнь. <...>

Поговорите с Егоровым и напишите.

Н. М.

В 1965 г. тема издания сборника не звучит: видимо, это период выжидания; кроме того, стихи Мандельштама с трудом, но прорываются в периодическую печать.

В 1966 г. тема появляется вновь в новом ракурсе. В августе Лидия Гинзбург пишет Надежде Мандельштам необычно эмоциональное письмо:

менную ссуду в размере трех тысяч рублей новыми деньгами, а Большая серия “Библиотеки поэта” приняла к изданию в 1963 году расширенный одностомник Бороных стихов» [9, с. 419]. Ср. черновик письма З. Н. Пастернак к Н. С. Хрущёву от 5 августа 1963 г., отправлять которое ее отговорил сын Л. Б. Пастернак: «Дорогой Никита Сергеевич! <...> После смерти моего мужа, случившейся 3 года назад, я осталась без пенсии и без всяких средств к существованию. Мне 65 лет, и после тяжелого инфаркта я утратила работоспособность. Я кругом в долгах, и мне еще надо вернуть полученную однажды ссуду Литфонда. За три года вышла одна маленькая книжка стихов Б. Пастернака, и больше никаких договоров с нами, наследниками, не заключают. За многолетние издания различных произведений Б. Пастернака за рубежом в иностранных банках на счету моего мужа лежат деньги, которые могли бы избавить меня от материальных затруднений. Из письма сестры Б. Л., живущей в Англии, мне стало известно, что единственным препятствием перевода денег в СССР итальянский издатель Фельтринелли считает отсутствие разрешения Советского правительства. <...> Прошу Вас: не оставляйте меня в моем безвыходном положении – очень тяжело на старости лет оказаться необеспеченной, без пенсии и не иметь уверенности в завтрашнем дне и не знать, как расплатиться с долгами. Заранее благодарная и преданная Вам З. Н. Пастернак. <...>» (из вступительной статьи М. Фейнберг «Об этой книге» [9, с. 14–15]).

²⁵ Имеется в виду скандал с итальянской публикацией «Доктора Живаго» (1957) и присуждением Пастернаку Нобелевской премии (1958).

²⁶ Из письма Н. Я. Мандельштам Н. С. Хрущеву, отправленного 4 апреля 1960 г.:

«Уважаемый Никита Сергеевич!

Ликвидация последствий ежовщины-бериевщины и посмертная реабилитация невинно загубленных жизней не может, я полагаю, рассматриваться как пустая формальность или ничего не стоящая бумажка. А именно так рассматривают ее наши издательства.<...>

Помогите:

Издать в этом году в Гослитиздате книгу “Избранное” Осипа Мандельштама в серии “Библиотека Советской Поэзии”.

Издать в “Большой серии библиотеки поэта” в издательстве “Советский писатель” давно уже запланированное им полное собрание стихотворений О. Мандельштама с выходом книги в 1960–61 гг.

Поручить редактирование обеих книг поэтам Алексею Суркову, Илье Эренбургу и Анне Ахматовой, которые являются членами комиссии Союза Советских Писателей по литературному наследству Осипа Мандельштама <...>» [10].

О судьбе этого письма Н. Я. 11 декабря 1963 г. сообщала А. В. Македонову: «Однажды наверх я уже писала. Меня обступили друзья и утверждали, что О. М. не печатают из-за меня. Они заставили меня написать такое письмо, как вы мне предлагаете. Оно дошло до некоего Гея и там застряло» [10].

Дорогая Надежда Яковлевна!

Мне очень нужно срочно поговорить с Вами по делу, связанному с изданием О. Э. в «Библиотеке поэта».

Я была в Малеевке²⁷, сейчас нахожусь в Москве. Могу приехать к Вам в Верее²⁸. Нельзя ли у какой-нибудь хозяйки пристроиться там на несколько дней? Мне хочется еще доотдохнуть.

Известите меня, пожалуйста, сразу. Это очень важно. Известите, чтобы я знала, еду я на один день или на несколько. В зависимости от этого возьму или не возьму чемоданчик. <...>

Пожалуйста, реагируйте сразу, п<отому> ч<то> от этого зависит весь мой график. <...>

Ответного письма Н. Я. нет. Зато в черновике сохранилось начало следующего, также августовского, письма Л. Я. из Тарусы:

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я не объяснила вам в письме все толком, п<отому> ч<то> думала вас увидеть.

Суть в том, что, после бесчисленных переделок, «Библ<иотека> поэта» расторгла отношения с Макед<оновым>. После чего они официально предложили мне срочно написать вступительную статью. Макед<онов> хороший человек, к которому я хорошо отношусь²⁹, и мне все это неприятно. Но в данном случае все мы должны думать о выходе книги О. Э., а не предаваться другим соображениям. На месте Макед<онова> я бы давно предложила им обратиться к кому-нибудь другому.

В принципе я согласилась. Но еще нет соглашения, т<ак> ч<то> это еще не на все 100 %. <...>

По словам Б. Ф. Егорова, Македонов «написал вполне добротную статью, но его марксистское воспитание повлияло на социологический тонус статьи, она не годилась для поэтической серии, тем более что создавался очерк о великом поэте».

Из второго августовского письма Гинзбург понятно, откуда взялась необычная для ее писем к Н. Я. взволнованная интонация: Л. Я. предстояло сделать трудный моральный выбор. К моменту второго письма этот выбор, в общем, был сделан – в пользу Мандельштама, а не Македонова.

Из ответного письма Н. Я. (19 августа, Верее):

<...> Очень рада, что вы согласились писать предисловие. Думаю, что этого добились Исакович, Егоров и прочие в отсутствие начальства. <...>

Дальше на протяжении осени – зимы 1966 г. обе пишут подробные письма: Л. Я. – с вопросами о жизни и творчестве Мандельштама, Н. Я. – с ответами. Весной 1967 г. Н. Я. сообщает Н. Е. Штемпель: «Гинзбург пишет новое предисловие к изданию стихов – первый класс» [5, с. 385].

11 февраля 1967 г.³⁰ из Комарова, где Л. Я. находится в Доме творчества писателей, в Москву, где с ноября 1965 г. живет Н. Я., послана телеграмма:

²⁷ В Доме творчества в подмосковной усадьбе Малеевка.

²⁸ Верее – городок в Подмосковье, где Н. Я. не раз снимала дачу совместно со своим братом Е. Я. Хазиным и его женой Е. М. Фрадковой.

²⁹ Македонов Адриан Владимирович (1909–1994) – литературовед, геолог, друг Твардовского, бывший лагерник.

³⁰ Ср. письмо Н. Я. Лине Яковлевне Максимовой от 11 февраля 1967 г.: «Сегодня получила телеграмму от Лидии Яковлевны, что книга сдана в набор (делают макет). Здесь ждет очереди в типографии “Разговор о Данте”. Боюсь...» [11, с. 322].

= КНИГА ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫЧИТЫВАЕТСЯ ЦЕЛУЮ = ГИНЗБУРГ –

Но к этому времени назрели очередные проблемы с Харджиевым.

В январе 1967 г. он не дал возможности Н. Я. пригласить к нему фотографа скопировать рукописи. Через несколько месяцев, после неоднократных напрасных просьб вернуть ей архив, Н. Я. просто пришла к Н. И. и забрала листки. В письме Харджиеву она так объяснила свой поступок: «Правильно ли, что вы *полностью* отлучили меня от этих листочков? <...> Для меня эти листки – встреча с Осей. <...> Между прочим, мне для моей работы – вы можете ее презирать, но она существует и способствует восстановлению Оси и знанию о нем – нужны черновики»³¹.

Уже сверстанный том Харджиев собирался дополнить рядом стихотворений. Н. Я. не отказывает ему в этом, но для него приходится к ней смотреть отобранный архив – ситуация невозможная.

Харджиев жалуется Исакович, которая в письме от 30 мая 1967 г. отвечает ему: «...Вы меня действительно огорошили “скверным анекдотом” по поводу архива Осипа Мандельштама. Что сие означает и зачем это Надежде Яковлевне понадобилось? Поссорились вы с ней, что ли, и она потребовала “игрушки” обратно? ... Как же это она, зная, вероятно, от вас, что рукопись пошла в типографию, отбирает архив? Ведь в корректуре следовало бы еще раз проверить по автографам. Неужели из-за этого придется отказаться от расширения состава?» [12, с. 227]. А 19 июля 1967 г. Исакович пишет Лидии Гинзбург: «Неделю назад в Л<енингра>д приезжали Н. Я. Мандельштам, Э. Герштейн и Н. И. Харджиев (для дачи свидетельских показаний на суде по поводу наследия А. А.³²). <...> Надежда Яковл<евна> заходила в редакцию, я с ней подробно обо всем переговорила, затем (еще более подробно) побеседовала с Ник. Ивановичем и убедилась, что этих двух упрямцев примирить вряд ли удастся. Очень это все грустно и неприятно. Макет обещают в ближайшее время»³³.

По получении этого письма Лидия Гинзбург написала Надежде Мандельштам из эстонского городка Эльва (современное написание – Элва), где в это время отдохнула, в Верею. Сохранился черновик начала письма:

Дорогая Надежда Яковлевна!

Я получила от Исакович письмо от 19 июля (написанное, очевидно, уже после Вашего отъезда из Ленинграда) с сообщением, что в ближайшем будущем ожидается макет книги, с запросом, посылать ли мне корректуру сюда, если она будет.

Я ответила, чтобы присылали. Корректуры нет пока³⁴.

Ни в этом письме, ни в последующих она не обсуждает конфликт Мандельштам с Харджиевым. 6 сентября, уже из Ленинграда, Л. Я. сообщает о получении корректуры статьи, 17 сентября 1967 г. – о том, что макета еще нет. Это последнее из писем, тематически связанных с «Библиотекой поэта».

Как комментирует дальнейшую ситуацию Гинзбург, ее статья «Поэтика Осипа Мандельштама» «в 1968 г. была уже набрана и сверстана, но редколлегия забра-

³¹ Письмо от 16 мая 1967 г. [5, с. 319–321].

³² О тяжбе между Л. Н. Гумилевым и семьей Пуниных по поводу литературного наследия А. А. Ахматовой см.: [13; 14, часть X. Пунические войны].

³³ Рукописный отдел РНБ, ф. 1377, оп. 3, ед. хр. 300.

³⁴ Датировка текста – по письму И. В. Исакович от 19 июля 1967 г., адресованному Л. Я. Гинзбург. Ср: «Макет обещают в ближайшее время. Напишите, пожалуйста, сколько Вы пробудете в Эльве. Нужно ли посылать Вам корректуру статьи (если она придет) туда или лучше дождаться Вашего возвращения» (РО РНБ, ф. 1377, оп. 3, ед. хр. 300).

ковала ее как недостаточно “боевую” и заменила статьей А. Дымшица...» [1, с. 144]³⁵.

Дымшиц был известным представителем партийного литературоведения. Но и с его статьей книга стихов Мандельштама вышла только в 1973 г., т. е. почти через 20 лет после того, как была задумана. К этому времени и Орлова в редакции «Библиотеки поэта» уже не было, и отношения «сумасшедшей вдовы» с «сумасшедшим редактором» были окончательно прерваны.

Причиной скандального разрыва стали обвинения Н. Я., предъявленные Харджиеву по поводу состояния возвращенного архива: она утверждала, что некоторые листки со стихами Мандельштама он оставил у себя, отрезал какие-то строфы от автографов и списков и т. д. В связи с этим процитирую суждение П. М. Нерлера: «Строго говоря, лишь четыре позиции из двенадцати в обвинительном перечне Н. Я. Мандельштам не опровергаются теперешним состоянием архива. Это может означать одно из двух: или того, на что указывала Надежда Яковлевна, в архиве не было и она запаматовала, или это в архиве было и Харджиев это уничтожил» [2, с. 689].

Претензии были у Н. Я. и к текстологии Харджиева: черновую строфу вставил в основной текст, неверно проставил даты и проч. Обо всем этом она подробно написала в очерках «Архив», «Конец Харджиева», «Комментарий к стихам 1930–1937 гг.» [15, с. 843–863, 864–873, 705–830].

Во «Второй книге» Харджиев охарактеризован как «человек больной, с большими физическими и психическими дефектами». Н. Я. прокомментировала это так: «В большом и в малом единственное оправдание советских людей то, что они психически больны. Все больны. Одни больше, как Харджиев, потому что у них врожденная болезнь, другие поменьше – благоприобретенный психоз. Нормальным не остался никто» [15, с. 402, 481].

Соответственно, кардинально изменилось и отношение Харджиева к Н. Я. В недатированном (возможно, 1980 г.) письме к Гинзбург он пишет: «Издание Мандельштама меня больше не волнует: прошло 15 лет! Это одно из самых омерзительных сновидений в моей жизни. <...> в американском издании – идиотские сведения, принадлежащие вонючей “вдове”»³⁶.

Что касается дальнейших отношений Мандельштам с Гинзбург, то надо отметить: последнее письмо в их переписке, насколько известно на сегодняшний день, – это письмо Л. Я. от 13 июля 1968 г. В заметке Гинзбург, предваряющей подготовленные ею к печати письма Мандельштам, сказано скупое: «В 1970-х годах наше общение постепенно прекратилось. Сыграло в этом свою роль то обстоятельство, что для меня оказались неприемлемыми оценки культурных фактов и людей во “Второй книге” ее воспоминаний» [1, с. 125]. Подробнее – в записной книжке: «Саша³⁷ <...> говорит, что люди того времени (серебряный век) – прекрасные чудовища³⁸. <...> Н. Я. <Мандельштам> отождествила себя с Мандельштамом, с Ахматовой, – упустив совсем из виду, что она не великий поэт. Получилась чудовищность без прекрасного. Пока ее не захвалили, она еще опасалась, сдерживалась, но во второй книге перешла всякие границы дозволенного нор-

³⁵ Дымшиц Александр Львович (1910–1975) – литературовед, критик.

³⁶ РО РНБ, ф. 1377, оп. 3, ед. хр. 513, л. 12.

³⁷ Саша – Александр Семенович Кушнер (р. 1936), поэт, эссеист, мемуарист, переводчик, с 1992 г. – главный редактор «Библиотеки поэта», с 1995 г. – «Новой библиотеки поэта».

³⁸ Ср. высказывание А. С. Кушнера в статье об И. Ф. Анненском: «Потому что все они были маги и жрецы, андрогинны и мистагоги, демоны, рыцари и паладины, и лишь он один оставался человеком. Потому что читать стихи из жизни всех этих экзотических существ примерно то же самое, что читать лирическую исповедь орла или крокодила» [16, с. 557].

мальному человеку» (1981); «Я как-то сказала при Надежде Яковлевне Мандельштам, что, много занимаясь мемуарами, убедилась – чем талантливее мемуарист, тем больше он врет <...> Не потому ли, несмотря на испортившиеся отношения, Н. Я. в своей второй книге отозвалась обо мне, в виде исключения, благосклонно. Там даже есть фраза об одной “умной женщине”, которая зря хвалила статьи Вячеслава Иванова. Это я» (1987) [б, с. 421, 422]³⁹.

Список литературы

1. Письма Надежды Яковлевны Мандельштам к Лидии Яковлевне Гинзбург / Подгот. текста Н. К. Цендровской при участии А. Г. Меца, коммент. Л. Я. Гинзбург // Звезда. 1998. № 10. С. 125–149.
2. *Нерлер П.* Первый старатель (Николай Харджиев) // Нерлер П. *Con amore: Этюды о Мандельштаме*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 672–695.
3. *Нерлер П.* Свидетельница поэзии (Надежда Мандельштам) // Нерлер П. *Con amore: Этюды о Мандельштаме*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 510–562.
4. *Мандельштам Н.* Воспоминания // Мандельштам Н. Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО при участии Мандельштамовского общества, 2014. Т. 1. С. 79–582.
5. Мандельштам Н. Об Ахматовой. М.: Новое издательство, 2007. 444 с.
6. *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб., 2002. 768 с.
7. *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004–2005. Т. 9. 784 с.
8. Переписка Андрея Синявского с редакцией серии «Библиотека поэта»: изменение советского литературного поля / Подгот. текста, публ., вступ. ст. и коммент. Анны Комароми // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 175–199.
9. *Пастернак Б. Л., Пастернак З. Н.* Второе рождение. Письма к З. Н. Пастернак. М.: Дом-музей Бориса Пастернака, 2010.
10. *Нерлер П.* «Вопрос этот политический...»: Вокруг письма Н. Я. Мандельштам Н. С. Хрущеву // Новая газета. 2014. 24 окт. № 120.
11. Письма Н. Я. Мандельштам к Д. Е. Максиму / Публ., вступ. ст. и коммент. Н. Т. Ашимбаевой // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. М.: Наука, 2007. С. 285–340.
12. *Бабаев Э. Г. А. А. Ахматова в письмах к Н. И. Харджиеву (1930–1960-е гг.)* // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. М.: Наследие, 1992. Вып. 2. С. 198–228.
13. *Каминская А. Г.* О завещании А. А. Ахматовой // Звезда. 2005. № 5. С. 190–203.
14. *Беляков С. С.* Гумилев сын Гумилева. М.: Астрель, 2012. 800 с.
15. *Мандельштам Н.* Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО при участии Мандельштамовского общества, 2014. Т. 2. 1008 с.
16. *Кушнер А. С.* «Среди людей, которые не слышат...» // Кушнер А. С. Волна и камень. СПб.: LOGOS, 2003. С. 557–595.

³⁹ «Одна умнейшая женщина, литературовед с традициями Опыаза, со вздохом сказала мне, что уровень мысли резко пал после статей Вячеслава Иванова. (Любопытно, догадалась ли она перечитать эти статьи, или ее суждение зиждется на прежнем пиетете?)» [15, с. 408].

O. E. Rubinchik

Sankt-Petersburg, Russian Federation

**THE STORY BEHIND THE PUBLICATION
OF OSIP MANDELSHTAM'S POETRY IN *THE POET'S LIBRARY* (FROM THE COR-
RESPONDENCE OF NADEZHDA MANDELSHTAM WITH LYDIA GINZBURG)**

The focus of this article is the correspondence between Nadezhda Mandelshtam and Lydia Ginzburg from 1959 to 1968. This is the first time Ginzburg's letters have been studied scholastically. In the dialogue between these two prominent women, who were known by their powerful male intellect, gifted with literary talent and had incredible experience, we can extract multiple semantic layers. This article addresses one incredibly important moment for Nadezhda Yakovlevna: the preparation of and collaboration to publish Osip Mandelshtam's collection of poetry in *The Poet's Library* series, his first collection after 1928. Between the idea for the book, which arose in 1956, and the book's release in 1973, 20 years had passed.

Keywords: Russian literature, Osip Mandelshtam, Nadezhda Mandelshtam, Lydia Ginzburg, Nikolai Khardzhiev, *The Poet's Library* series.

Rubinchik Olga E. – candidate of philology, associate professor of Northwest Institute of Print (13 Dzhambul Lane, Sankt-Petersburg, 191180, Russian Federation, rubinchik_olga@mail.ru)